

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой продается дом
и утаиваются нюансы

Пока Вэлтен Джакоб Александр Готтфрид Рэйнер Третий, мэйн первой пехотной дивизии императорского полка и без пяти минут новый владелец Арве-мал-Тиге, в пятнадцатый раз старательно выводил на листе свое бесконечное имя и обязательный список регалий, я вяло размышляла о том, что современному обществу остро не хватает умеренности. То есть на первых страницах я все-таки еще нервничала и даже сломала хлипкий замочек на браслете, который без конца теребила, но с каждым новым росчерком пера сердце мое билось все спокойнее, взгляд становился все рассеянее, а мысли уплывали все дальше.

В какой-то момент я даже добралась до имен своих гипотетических детей и поклялась, что сына моего никогда не будут величать сразу шестью словами без учета титулов и званий. Это ж какое излишество! Назову его просто Джон — коротко и звучно. Или Дон — еще короче и звучнее. «*Назови сразу Он*, — пробурчала присосавшаяся к моим мыслям Тильда. — *Или просто О, будет везде ноликами расписываться*».

Я лишь фыркнула, прогоняя из головы наглую девицу, но к реальности вернулась. Вовремя: мэйн Рэйнер как раз вырисовывал последнюю идеальную

букву на последней, двадцатой, странице договора. Рядом красовалась и моя подпись, к этой самой двадцатой странице заметно покосившаяся и едва ли разборчивая, но в данный момент собственное несовершенство меня абсолютно не волновало. Если б могла, я бы и ноликов, и крестиков понаставила, только бы разобраться со всем поскорее.

— Что ж, господа... — протянул мэтр Штанге, придирчиво разглядывая наши с мэйном художества, — осталась сущая формальность.

Тильда в моей голове ехидно хохотнула, а я с трудом удержала рвущийся из груди горестный стон. Эту фразу мэтр повторял уже в пятый раз, а формальности все никак не иссякали. Мэйну Рэйнеру бесконечная процедура, кажется, не доставляла никаких неудобств, или же скрывал он свое недовольство гораздо лучше меня. Вот и сейчас он лишь кивнул с каменным лицом и молча поднялся, тут же вытянувшись по струнке. Тетива, а не человек, дотронься — зазвенит.

«*Но хорош, зараза*», — не преминула вставить Тильда, и я скрепя сердце согласилась. Если честно, когда он впервые появился на нашем пороге, я даже не сразу расслышала суть вопроса — так залюбовалась точечными скулами, штормовыми глазами и густой шевелюрой цвета воронова крыла. Даже излишняя худоба мэйна Рэйнера не портила, да и что нам худоба? Зато плечи вон какие широкие и ямочка на подбородке... «*Откормим*», — пронеслась тогда мысль, не то моя, не то Тильдина, а затем до поплывшего разума наконец дошло то, что незванный гость втолковывал мне уже несколько минут.

Он хотел купить Арве-мал-Тиге. Я бы сказала, хотел страстно и отчаянно, будь этот, как позже выяснилось,

бесчувственный солдафон способен на столь сильные эмоции. Но намерения свои он выказал довольно четко, и поскольку за полгода, что объявление о продаже болталось в вестнике, во мне страсти и отчаяния скопилось за десятерых, то и уговаривать меня долго не пришлось.

Вот бы мэйн Рэйнер еще спросил моего совета при выборе мага-посредника, но вместо этого он притащил из города самого невыносимого крючкотворца, какого только видывал свет. Впрочем, вряд ли в окрестностях Хамранта найдется хоть один счастливчик, в свое время не купившийся на белозубую улыбку и хвалительные грамоты мэтра Штанге. Что там, даже я по юности и глупости обращалась в его контору, за что и расплачивалась потом не один год. Но, слава всем богам, больше нам с ним дел иметь не придется. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть... последние пять-десять-двадцать формальностей, и я обрету долгожданную свободу. Не только от мэтра Штанге — он как раз наименьшая из бед, — но и от этого дома, леса, города и безумного наследия моего благополучно почившего мужа, да разорвут его демоны на ленточки и кусочки.

Главное, чтобы мэтр не провозился до сумерек, иначе все мои усилия пойдут прахом. Я ведь специально просила их приехать к восьми утра, рассчитывая в полдень уже радостно трястись в экипаже в обнимку с любимым потертым саквояжем, с которым когда-то и прибыла в эти края. Но если солдафон оказался точен, как премьерская экономка моего батюшки, то мэтр Штанге явился с трехчасовым опозданием и кипой бумагулек одна другой важнее.

Когда мы покинули кабинет и вышли в гостиную для последней — «самой-самой последней, честное слово» — формальности, часы на каминной полке

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

